

* * *

Ветер в грусти задувал звезду.
С колокольни глазела птица.
Всякий в захоlustье на виду,
И в его нуле единица.

Каркнул ворон, словно дали под дых,
Свет зари по росе прохлюпал.
Запотел от мыслей простых
Лобастый купол.

Переплыли небо облака
И аукнулись басом.
– Этот день уйдёт наверняка, –
Убаюкивал разум.

* * *

Лунный свет бродил по берегу,
Гребни тёплых волн очерчивал.
По утёсу крутоверхому
Рисовал прибой подсвеченный.
Спали дети в дальних странствиях,
Покрывалось небо звёздами,
И в его безбрежном царствии
Только боги были взрослыми.
То и снится, что аукнется
В памяти, где мы – вчерашние,
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей чёрной клавишей.
Там сидим на побережье мы,
Временем не опечалены,
И следы детей по-прежнему
Скачут буквами печатными.

* * *

Это ничего,
Это только ветер,
Это только машина завелась у дома,
Это только голубь
На подоконнике бредит
И голубка бубнит в ответ монотонно.

Это только поздняя осень в учебнике.
Это только запах жёлтой страницы.
В нём настольная лампа
И свет предвечерний...
Это ожил отец.
Это только снится.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ах, ухватиться б за подол заката,
И плыть, и плыть – туда, где, не объято
Никем, пространство жмётся на краю
Всего земного, что уму понятно,
И напевает «баюшки-баю».

И на зеркально-синей акварели
Качаются, как лодки, колыбели,
Плывут, как сны, туманы вдоль земель,
И лунный свет играет на свирели
И нить судьбы мотает на свирель.

А ночью кроны – что большие крыши.
Под ними заклинается в двустийше
Магическое «баюшки-баю».
Ты слушаешь. Ты спишь. А край всё ближе.
Как ни ложись, проснёшься на краю.

И смешивая сумрак с небесами,
Единый кто-то, множась голосами,
Поёт одно и то же: «не ложись!»,
Но исподволь меняет всё местами.
Очнёшься, вздрогнув. Полоснёт, как пламя...
«Кто это был?» И вдруг прозреешь: жизнь.

* * *

Оттого ль, что ветер стукнул в окно,
Оттого ль, что чеканка стёрлась в луне,
Оттого ль, что из всех приснившихся снов
Только этот заученно снится мне,
Оттого ль, что, на рифах навек осев,
Безутешно из вод сигналит маяк,
Оттого ль, что кто-то прошёл сквозь свет,
Сдвинул ночь, опрокинул звезду второпях,
Оттого ль, что сделалось там темно,
Оттого ль, что небо сковал ледник,
Ты за тысячу световых снов
«Ш-ш-ш!» сказал и ко мне приник.

* * *

Последний час,
Который отдан солнцу.
Оно уже не проникает вглубь,
Оно на верхних этажах, на кронах,
Само, как плоскость –
Светлый плоский диск.
Объём огня потерян до заката,
Потерян так, как будто бы сто лет
До потрясения солнцем, до возврата
Мазка – в явлении, а штриха – в предмет.
Объёмы сумерек, объёмы ожидания...
И расплылось в раздумьях мирозданье,
И не найти связующую нить,
И ядовито потемнели шторы,
Чтоб сразу за вопросом «Час который?»,
Незыблемое в зыбкое сманить.

* * *

Вечер заполнил комнату доверху,
Будто открыли шлюз,
Дав свободу фиолетовому воздуху
С вкраплениями русаловидных муз.
Выхватываются пламенем из невесомости
Ручки кресел и мимика стен.
И даже радуешься, что нет совести
У ночных аварийных смен.

* * *

Моря достались Альбиону...
А. С. Пушкин

Ночь состоит из ломаных линий
И вспышек комнаты между веками.
Уснёшь, и снова в тёмном камине
Древо шаркает сухими ветками,
Волхвует, откатывая дни за днями.
«Не тот ли, – думаешь, – дуб зелёный?»
И продвигаешься к долговой яме.
А море отчаливает к Альбиону.
Крошки звёзд просыпались в пропасти,
Налетели чёрные птицы-вороны,
Молчаливо склевали горсть за горстью,
И раздул их ветер на четыре стороны.
В середине мира – дыра над бездною.
На вершине мира – кормушка звёздная.
У подножья мира – кровать железная
И чьё-то «я», никем не опознанное.
Свечка, зеркало, горстка пепла,
Сползло Лукоморье к самому склону.
Там же звезда перед смертью ослепла.
Кому всё достанется? Спи. Альбиону.

* * *

Утечка летней благодати, и дождь
Срывает небо в приступе истерик,
А ты идёшь, идёшь, идёшь, идёшь –
Как одинокий движущийся берег,
Минюя погрустневшие дома,
Стоящие всю жизнь свою на рейде.
Мечта уплыть – навек погребена
В фундаменте, как мавзолею смерти.
Всё мимо, мимо – чьих-то окон, глаз,
Планет, сосущих млечности созвездий...
Ты движешься, и сохранён баланс
Между чредой стремлений и бездействий.
Ты порождаешь цели бытия –
Его извечный вектор, центр и фокус.
И предназначен постигать тебя
Вокруг располагающийся космос.

* * *

Прохлада к вечеру – как охлажденье.
Мир возвращён делам первоначальным.
В себя приходят медленно растенья,
Покачиваясь в такт воспоминаньям.
От слишком концентрированной дозы
Тумана, начинающего таять,

Не может вспомнить, где должны быть звёзды,
Сырых небес рассеянная память.
Зачем-то прожит этот день, зачем-то
Остались волны мутного, живого.
Здесь кто-то был и усугубил лето,
И на прощание расплавил слово.
Упала тень от ветки на ступени.
По ним с утра вбегали только сутки.
И кто-то ожил, обхватил колени
И слушал уплывающие звуки.
Преодолев накопленную вялость,
Поднялся ветер и разнёс их в клочья.
От августа до сентября осталась
Часть вечера и капля ночи...

ЖЕЛЕЗНОВОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1

Уже прояснилось подножье горы,
Всё выше ползёт туман,
На вершине клубятся облачные пары,
Как действующий вулкан.

Гора вернулась издалека,
Можно сказать – с небес,
И эти последние облака
Снимают её стартовый стресс.

Какая всё-таки здесь благодать!
Сиди, не разгибая спины,
И расписывай, как церковь, свою тетрадь
Строчками всевозможной длины.

Нет-нет и взгрустнётся всё же о том,
Что муж твой – не горный дух,
И ждёт тебя типовой твой дом
С мусорником для мух.

А тёмный воздух касается крон
Или твоей головы,
К горе подступают со всех сторон
Сумерки, точно волхвы.

И ты сидишь, закусив губу,
И сил шевельнуться нет,
Будто решит и твою судьбу
Их чернокнижный совет.

2

Горбунья гуляла по парку,
По тихим аллеям сырым.
– Как славно сегодня, не жарко! –
Сказала, как мы говорим.
Но голос особенный, певчий,
Таких не бывает у нас.
Не речь, а сияние речи –
Возник, озарил и угас.
А леса клавиатура
Звенела под эхо-педаль.
И шла её бабка хмуро,
И молча сверлила даль.
На волосы русой горбуны
Листву роняли дубы,
И знали лесные колдуны
Значенье её судьбы:
Однажды, свернувши к лесу,
От горной тропы левой,
Она превратится в принцессу
Семи голубых кровей.

3

Бог бросает пригоршни птиц
С вершины своей горы.
Небо, вышедшее из-под рук кружевниц,
Ловит его дары.
Совсем мальчишка. Никаких забот.
С утра до ночи один.
Не носит нимба и вообще живёт,
Словно простолюдин.
Он так легкомысленно мчится вниз,
Выделывая «колесо»!
И я умоляю себя: «Берегись,
Он быстро забудет всё».

4

Последний вечер. В сиреневый свет
Нарядилась моя гора.
Со склонов мне машут все, кто воспет.
– Прощайте, – шепчу, – пора!
На вершине торжественно зажигается Марс
В их, разумеется, честь.
А меня можно выдумать тысячу раз
И как угодно прочесть.

